

Константин Станюкович

В тропиках

Константин Станюкович

В тропиках

«Public Domain»

1894

Станюкович К. М.

В тропиках / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1894

Содержание

I. НОЧЬ	5
I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Михайлович Станюкович В ТРОПИКАХ

I. НОЧЬ

I

Среди шепота тропической ночи, полного какой-то таинственной прелести, почти бесшумно плывет, словно птица с гигантскими крыльями, трехмачтовый паровой военный корвет «Сокол» под всеми парусами, имея бомбрамсели на верхушках своих, немного подавшихся назад, мачт.

Небольшой, изящных линий, красавец-корвет, на котором находится сто семьдесят матросов, четырнадцать офицеров, доктор и иеромонах с Коневского монастыря, идет с благодатным, вековечным пассатом, направляясь на юг, узлов по семи-восьми в час, легко и свободно, с тихим гулом, рассекая воду, рассыпающуюся у носа алмазной пылью, и равномерно слегка покачиваясь на исполинской груди старика-океана. Необыкновенно спокойный и ласковый океан лениво, с нежным рокотом, катит свои бездонные, могучие волны, но не бьет ими сердито бока чуть-чуть накренившегося «Сокола», а, напротив, кротко облизывает их и словно шепчет морякам, что в этих широтах он не коварен, и его нечего бояться. Широкая серебристая лента, сверкая фосфорическим блеском, стелется за кормой, выделяясь среди чернеющего океана, и исчезает вдали потеряннным следом.

А что за дивная тропическая ночь на этом океанском просторе, с мириадами звезд и звездочек, то ярко и весело, то задумчиво и томно мигающих с высоты темного, словно бархатного, купола!

После дневного зноя, мало умеряемого пассатным ветром, с ослепительно жгучим солнцем, висящим в безоблачной бирюзовой выси раскаленно золотистым ядром, необыкновенно легко и привольно дышится в эти ласковые, волшебные тропические ночи, быстро, почти без сумерек, наступающие вслед за закатом солнца и веющие нежной прохладой. Полной грудью жадно глотаешь освежающий, насыщенный озоном, морской воздух и всем существом ощущаешь прелесть этой ночи, испытывая какую-то приподнятость настроения и безотчетный восторг.

Глядя на этот таинственно дремлющий океан, на это, сверкающее брильянтами, небо, прислушиваясь к тихому рокоту волн, точно освобождаешься от обыденной пошлости. Думы становятся возвышенной и смелей, и грезы, неопределенные и беспредельные, как океанская даль, уносят куда-то далеко-далеко...

До полуночи оставалась склянка (полчаса).

В этот час почти все спят на нашем плавучем островке, оторванном от родины, далеко от близких, от милых, и спят наверху, на палубе, так как внизу душно и жарко.

Не спит только вахтенный офицер, молодой мичман Лучицкий, шагающий, весь в белом, взад и вперед по мостику и отрывающийся от мечтательных дум и воспоминаний, чтоб зорко оглядеть горизонт и время от времени крикнуть вполголоса часовым на баке: «Вперед смотреть!»

Не спит, конечно, и вахтенное отделение матросов.

Примостившись поудобнее небольшими кучками у мачт или у пушек, они тихо, словно бы боясь нарушить тишину волшебной ночи, «лясничают» между собой про «свои места», которые так далеко отсюда, про Кронштадт, про прежние плавания, про добрых и злых коман-

дилов и про корветского боцмана, которого надо бы проучить на берегу, так как он «дерется без всякого рассудка». Некоторые, охваченные теплым дыханием ночи, полудремут сторожкой, матросской дремой, готовые очнуться при звуке командного голоса... А то кто-нибудь из мастеров-сказочников сказывает тихим и певучим ритмом сказочной речи сказку про Ивана-царевича или Бову-королевича, и несколько человек внимательно слушают.

Так коротается ночная вахта.

В тропиках не грех и «полясничать» и вздремнуть матросу. Ни боцман, ни вахтенный унтер-офицер за это не разразятся потоком той артистической ругани, к которой моряки вообще чувствуют слабость и без которой не могут обойтись. Вахты, слава богу, спокойные, и следовательно можно и вздохнуть после трудного плавания в Немецком море и штормовых дней в Атлантическом океане, на параллели Бискайского залива, где бедный «Сокол» выдержал-таки изрядную трепку под штормовыми парусами и должен был после нее зайти в Лиссабон, чтоб исправить кое-какие повреждения.

Здесь, в тропиках, матросам легко и привольно. Им не приходится, стоя на вахте, кутаться в свои просмоленные, парусинные дождевые пальтишки, стараясь закрыться от брызг расвирепевших седых волн, с бешенством нападающих через палубу у бака, – не приходится быть постоянно «начеку» у своих снастей, в напряженном ожидании то поворота, то брасопки рей, вследствие зашедшего или отошедшего ветра, то отдачи марса-фалов.

Их, этих тружеников моря, часто попавших прямо от сохи на океан, не посылают здесь крепить брамсели или брать рифы у марселей, работая на стремительно качающихся реях над океанской бездной, под рев засвежавшего ветра и при громадном волнении, бросающем корвет, словно щепку, с бока на бок и вверх и вниз. Не приходится, купаясь ногами в воде, крепить кливера на бугшприте, зарывающемся в воду.

Подвахтенные, спящие рядами на палубе, могут здесь спать спокойно, под открытым небом. Их не разбудит грозный окрик боцмана: «Пошел все наверх!» Нет. Все это осталось позади, и всего этого еще будет довольно впереди, а пока этот легкий и нежный, вечно дующий в одном и том же направлении, пассат, этот ласковый океан, голубое небо с постоянным солнцем и чудные тропические ночи делают плавание в тропиках восхитительным.

– Эка благодать господня! – шепчет кто-то в одной кучке, приютившейся на шканцах.

– В таких-то местах и плыть, братцы, не страшно, – замечает первогодок, молодой низенький матросик из Вятской губернии.

– А только таких-то местов мало на божьем свете...

– Мало? – спрашивает первогодок.

– И вовсе мало... Вот спустимся книзу, тогда другое дело пойдет...

– Гляди, ребята: звездочка упала. Вон опять падает...

Матросы подняли головы. Кто-то спросил:

– И куда они тепериче упали?

– В окиян, надо быть.

– Никуда не упали. Рассыплются по пути, сгорят и шабаш! Вроде быдто ракеты! – авторитетно пояснил марсовой Прохоров.

– Ишь ты... Еще падают...

Матросы задумчиво примолкли и глядели на падающие звезды.

II

За эти три с половиной часа ночной вахты мичман Лучицкий успел вволю намечтаться и надуматься. Дела ему было немного. Только внимательно наблюдай: не нависло ли в далеком сумраке горизонта зловещее черное облако, грозящее приближением бурного, быстро проносящегося, шквала с проливным тропическим дождем, – чтоб вовремя встретить шквал, убравши минут на пять паруса, – да посматривай в бинокль: не блеснет ли поблизости зеленый или красный огонек судна?

Но ни он, ни сигнальщик, стоящий на мостике с подозрной трубой, не видят ни зловещих туч, ни судовых огней. Смотрящие вперед с бака двое часовых тоже не видят ничего, что заставило бы их крикнуть.

И вахтенный мичман, вдоволь уже насладившийся красотой ночи, шагает по мостику или, уставший от ходьбы, прислонится к поручням и думает и мечтает, как только может мечтать здоровый, жизнерадостный, полный добрых намерений, молодой человек двадцати двух лет, для которого жизнь – еще книга с белыми листами, несомненно прелестными. О чем только ни передумал он в эту вахту от восьми часов! Он думал о том, как хорошо и весело на свете, как обаятельна эта ночь, и как жаль, что красавица Леночка в Петербурге и не может любоваться такою прелестною ночью вместе с ним... Что-то она теперь делает, милая? Думал он, что как ни хорошо теперь, а впереди станет еще лучше, светлее и радостнее, когда он как-нибудь отличится и, молодым капитан-лейтенантом, будет командовать таким же щегольским корветом, как «Сокол», и будет таким же добрым и гуманным, как и капитан «Сокола», этот благородный человек, никогда не ударивший матроса и запретивший у себя на корвете телесные наказания, несмотря на то, что они не отменены... Превосходный этот Василий Федорович... С таким капитаном отлично плавать...

«Отлично... Превосходный человек... Отлично!» – мысленно повторял мичман, готовый сейчас же чем-нибудь доказать свою преданность капитану, которого действительно любили матросы и молодые офицеры, сочувствовавшие его гуманным идеям.

«Может ли он однако быть таким чудесным, как Василий Федорович?»

И мичман анализировал себя: свой характер, свои недостатки и слабости. Ах, как много в нем дурного, мелкого, эгоистичного! Он непременно должен переработать себя, читать больше, сделаться добрее, умнее и снисходительнее в своих суждениях о других людях. С завтрашнего же дня он будет вести дневник и добросовестно записывать в нем все свои помыслы и дела... Это приучит к самовоспитанию.

Но все эти думы и мечты внезапно исчезают, и мысли молодого человека на некоторое время останавливаются исключительно на смуглом молодом женском личике с парой карих глаз, на которых еще блестят слезы, – с нежными щечками и кругленьким подбородком с ямочкой. «Ах, эта славная Леночка!» И образ ее, под обаянием нежной ночи и звездного неба, кажется ему еще милей и привлекательней здесь, на океане, вдали от Петербурга.

Он вспоминает, и с большой экспансивностью, свое последнее свидание перед разлукой, восемь месяцев тому назад, с этой хорошенькой Леночкой, его троюродной сестрой, с которой они что-то около года вели горячие и необыкновенно отвлеченные споры, читали умные книжки и прикидывались «добрыми друзьями», хотя втайне были влюблены друг в друга, стыдясь однако в этом признаться. До самого дня разлуки оба они храбрились, но когда, накануне ухода корвета в море, Вася Лучицкий пришел проститься и застал Леночку в гостиную одну (отец, адмирал, после обеда почивал, а адмиральша куда-то ушла), – оба молодые люди вдруг присмирели и затихли, словно обиженные дети...

Он припомнил, – и не первый это раз, – как Леночка была грустна, как начала было рассказывать о прочитанном томе Шлоссера, но внезапно смолкла, губы сложились в гримаску,

и слезы потекли из ее глаз. А дальше?.. Дальше этот первый поцелуй, долгий и нежный, которым они обменялись, поглядывая однако на двери, после неожиданно слетевших с губ взаимных признаний, эти слезы счастья на просветлевшем, зардевшемся лице девушки, обоюдные клятвы не разлюбить друг друга, эту маленькую, тоненькую ручку, с бирюзой на мизинце, которую он осыпал поцелуями и орошал слезами...

«И зачем пришла тогда эта женщина!» – досадуя даже задним числом, припомнил молодой человек, имевший дерзость так называть адмиральшу, мать Леночки и свою двоюродную тетку; вероятно, потому, что после появления «этой женщины» в гостиной вспомнить что-либо особенно приятное было трудно. Напротив, скорее осталось одно неприятное воспоминание, ввиду того, что адмиральша, видимо недовольная, что застала молодых людей одних и несколько смущенных, не оставляла Леночки в течение целого вечера, далеко не по-родственному была суха с племянником и, в самый трогательный момент прощания, довольно ядовито попросила его привезти портреты красавиц во всех портах, где Васенька влюбится, причем выразила, не без презрительной улыбки, надежду, что коллекция будет обширная.

Вспоминая о Леночке, молодой мичман довольно самонадеянно решил в эту минуту, что его любовь к Леночке, несмотря на карканья адмиральши, выдержит всякие испытания и что, возвратившись через три года из плавания, и, конечно, лейтенантом, он тотчас же полетит к ней в Моховую, 15, и непременно женится на Леночке, хотя бы «эта женщина» была и против. Адмирал?.. Но кто же не знал в доме, не исключая даже вестового Егорки, что адмирал был эхом адмиральши... Что ж! Они повенчаются и без согласия родителей. Бог с ним, приданым. Он и сам прикопит в плавании тыщонку, что ли, на первое обзаведение. Леночка ведь не гонится за обстановкой, – недаром они вместе читали хорошие книжки...

Так мечтал Лучицкий, не предвидя, разумеется, что скоро, очень даже скоро он забудет эти «вешние грезы» любви, прелестный образ Леночки затмится не менее, если не более прелестными образами других избранниц и затем останется одним лишь благодарным воспоминанием – и то под старость – о первой чистой и непорочной любви. Не подозревал он, что и Леночкины клятвы окажутся такими же легкомысленными, как и его, и что после двух ее посланий, смоченных слезами и нефранкированных, он месяца через четыре получит в Сан-Франциско заказное, вполне оплаченное письмо от самой адмиральши, в котором «эта женщина» сообщит, что Леночка вышла замуж за капитана 1-го ранга Кобылкина и очень счастлива, чего от души вместе с теткой и дядей желает и Васе.

Да и вообще, мечтая в эту восхитительную тропическую ночь в ноябре 1865 года, под 10^о северной широты и под 20^о западной долготы, мог ли молодой мичман хоть на минуту усомниться, что не сбудутся его мечты, и смел ли он предполагать, что жизнь жестоко впоследствии обманет его даже самые скромные надежды!

Устроив свою личную жизнь счастливым браком с Леночкой, мичман вспомнил, что пора отдаться действительности, и потому добросовестно оглядел в бинокль горизонт справа и слева, и впереди и сзади, посмотрел на компас: на румбе ли правят рулевые, и, больше для очистки совести, чем по необходимости, крикнул негромко своим красивым баритоном, который не одна Леночка называла «бархатным», когда Лучицкий пел романсы:

– На баке! Вперед смотреть!

– Есть! Смотрим! – тотчас же отвечали два голоса с бака.

Лучицкий устал и от ходьбы и от мечтаний – нельзя же, в самом деле, мечтать без конца, хотя бы и об избраннице сердца, и в чудную тропическую ночь, и даже мичману. К концу вахты мечтательное настроение прошло, сменившись сильным влечением к койке. Растянуться бы да и заснуть! А эта последняя склянка перед сменой, казалось, тянется дьявольски долго (всем стоящим на ночных вахтах обязательно так кажется).

Молодой мичман потянулся, сладко зевнул, вспомнил, что на вахте офицеру заснуть – преступление, и, чтобы прогнать сон, стал снова думать о Леночке: старался представить себе

ее грациозную, стройную фигуру, ее обыкновенно привлекательную улыбку, открывающую ряд маленьких, ровных, жемчужных зубов, старался вспомнить ее голос, ее речи, но странное дело – все эти мысли как-то путались в его голове, обрывались, мешались с другими, и образ прелестной Леночки совершенно неожиданно явился с рыжими усами и рыжими бакенбардами в виде котлет, поразительно напоминавший далеко не прелестное лицо начальника первой вахты, лейтенанта Максима Петровича Невзорова, который должен был вступить на вахту с полуночи до четырех часов утра, сменив Лучицкого. Паруса вдруг куда-то исчезли из глаз, и вместо океана он увидел какую-то освещенную залу, где пол не качается под ногами, и все ходят, не расставляя ног колесом... И тут же Максим Петрович, и с ним какая-то дама, и... Мичман очнулся, задремавши стоя минуту-другую... Фу, черт возьми! Хорошо, что никто не видал, что он, считавшийся исправным офицером, вдруг задремал на вахте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.